

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный гуманитарный университет (Мурманск, Российская Федерация)
snikonor-77@mail.ru

ПРОМЫСЛОВЫЕ АРТЕЛИ «МУРМАНЩИКОВ» НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVII–XVIII ВЕКАХ*

Рассматривается проблема покрута на мурманских промыслах Николо-Корельского монастыря. Артели промышленников формировались монастырем как из числа вотчинных крестьян самого монастыря, так и из числа наемных работников – крестьян Двинского уезда. Трудовые отношения монастыря с артелью определялись договором (письменным) и традиционными механизмами организации рыбного промысла.

Ключевые слова: Николо-Корельский монастырь, Мурманский берег, покрут, становища, артель

На обширной территории Русского Севера – в Поморье, начало освоения которого относится еще ко временам Новгородской республики, в силу особых природно-климатических условий сложился специфический тип хозяйства, доминирующую роль в котором играло не привычное для славян земледелие, а озерно-речные и морские рыбные и звериные промыслы. Значительная трудоемкость процесса добычи рыбы и морского зверя требовала коллективных форм труда, что приводило к необходимости выработки особых форм эксплуатации. К наиболее интересным из них относится покрут – найм артелей на промысел богатым промышленником-помором, предоставлявшим работникам средства производства и продукты питания [43; 129], [52; 75].

Одним из районов использования покрута в течение ряда столетий (с XVI до начала XX века) являлся Мурманский берег Кольского полуострова, омываемого Баренцевым, или, как тогда говорили, Мурманским морем. Ежегодно с апреля по сентябрь несколько тысяч промышленников-поморов вели на Мурмане добычу ценных пород рыбы – трески и палтуса. Особенностью организации промысла являлось то, что, несмотря на всю значимость его для экономики Поморья, в силу отдаленности и сезонности характера рыбодобычи вплоть до середины XIX века здесь не существовало постоянных поселений, местом базирования рыбаков являлись временные становища.

Проблема покрута на рыбных промыслах Мурмана, и шире – Поморья, имеет достаточно внушительную историографию. Основную часть написанного на эту тему составляют этнографические заметки и исследования, авторами которых были ученые, заставшие покрут во второй половине XIX века еще как существующее явление. Наиболее интересны среди них работы Н. Я. Данилевского, П. С. и А. Я. Ефименко [41], [44], [45].

В современной историографии к проблеме покрута ученые обращались существенно реже и рассматривали ее на более позднем историческом материале второй половины XIX века [48], [49], [54], [55].

Одним из наиболее ранних участников промысла на Мурманском берегу, начало деятельности которого относится еще к середине XVI века, был Николо-Корельский монастырь. В XVI–XVII веках этот монастырь, хотя и уступал таким духовным феодалам, как Антониев-Сийский, Соловецкий монастыри и патриарший дом, относился к числу крупнейших землевладельцев региона [47; 116].

Участие промысловых артелей на мурманском промысле Николо-Корельского монастыря частично отображено в работах А. Г. Гемп и В. В. Брызгалова [38], [39].

В настоящей статье рассмотрим ряд взаимосвязанных между собою вопросов, касающихся организации промысловых артелей на Мурмане Николо-Корельским монастырем, а именно: формы вовлеченности монастыря в промысел на Мурмане, количественные и качественные характеристики монастырской промысловой артели. Оговоримся, что под качественной характеристикой артели будет подразумеваться территориальное происхождение ее членов, наличие или отсутствие устойчивых связей артельщиков с монастырским промыслом.

Монастырская документация промысла в основном представлена архивными материалами, отложившимися в фонде Николо-Корельского монастыря ГАО.

Знакомство с обширным фондом монастырского архива убеждает нас в том, что специальной документации мурманского промысла монастыря, по всей видимости, не существовало вплоть до конца XVII столетия. Только с этого времени в архивном фонде монастыря начинают встречаться разнообразные группы источников, касающиеся

тех или иных аспектов промысла, — найма покручников, отпуска «хлебных запасов» и промыслового инвентаря на промысел, сдачи под караул монастырского становища на Мурманском берегу, распределения добычи промысла между монастырем и промышленниками и др.

Дадим краткую характеристику источникам. Во-первых, это небольшая группа таких документов, как «тетрати записные» и «книги отпускные» участников мурманского промысла — карбасников (кормщиков) и покручников Николо-Корельского монастыря [21], [23], [25], [32]. «Книги» составлялись либо монастырским казначеем, либо же приказчиком монастырской Холмогорской службы, ведавшим в том числе организацией рыбных промыслов на Кольском полуострове. В «книги» вносились конкретные данные о покрученных на промысел лицах (кормщиках и покручениках), выдаваемом им жалованье, ссудах и т. п. К выделенной группе документов относится еще ряд источников, которые, правда, не имеют заголовка [26], [33].

Во-вторых, найм покручников фиксируется и в таком ценном источнике, как «договорные письма» монастыря с артелью [26], [28], [34].

В-третьих, распределение добычи между командой и монастырем отражено в специальных «росписях» и «реестрах», куда заносились полные данные, касающиеся общей добычи и ее последующего распределения между членами артели (1722 и 1733 годы) [1], [27].

Наконец, вопросы организации труда на мурманских промыслах монастыря встречаются и в таких ценных, но, увы, единичных документах, как инструкции монастырских властей промышленникам (1745 год) [29], и в хозяйственной переписке приказных старцев с администрацией монастыря (1741 год) [30].

Все выделенные группы источников относятся к периоду конца XVII – первой половины XVIII века. А как же быть с более ранним периодом? Ведь известно, что в XVII веке монастырь регулярно организовывал промысел на Мурмане. Проблема решается при обращении к общим монастырским приходо-расходным книгам и к хозяйственной документации тех служб, которые были причастны к организации промысла на Мурмане. В последнем случае это Холмогорская территориальная служба, выполнявшая торГОво-распределительные функции [46; 17]. Нами были изучены все сохранившиеся в фонде монастыря приходо-расходные книги службы за вторую половину XVII века (за первую половину столетия подобных источников в фонде нет). Общее количество документов, представленных в фонде, – 42 единицы хранения, они охватывают период с 1649 по 1700 год. Из них данные о мурманском промысле содержат 19 приходо-расходных книг, датируемых периодом с 1649 по 1654 год и с 1683 по 1697 год [2], [3], [4], [5], [6],

[7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [17], [18], [19], [20], [22]. Выпавшие из этого периода два десятилетия – 60–70-е годы XVII века – косвенным образом указывают на то, что в этот период промысел на Мурмане монастырем по каким-то причинам не велся.

Таким образом, несмотря на немногочисленность и разрозненность источников, их комплексное использование вполне позволяет получить представление о характере организации труда на мурманских промыслах Николо-Корельского монастыря.

Как уже было сказано ранее, монастырь не сразу начал самостоятельно снаряжать экспедиции на Мурман. Из записей приходо-расходных книг Холмогорской службы монастыря за 1649–1654 годы видно, что духовная организация в этот период выступала лишь одним из пайщиков промысловых экспедиций на Мурманский берег, снаряжаемых другими промышленниками. Подобный порядок участия в промысле известен по этнографическим описаниям и исследованиям для второй половины XVIII века [44; 24–25]. Так, при организации артели для тюленьего промысла участниками вносились определенные паи («ужины»), от доли которых зависел и размер распределяемой добычи. При этом непосредственные участники промысла — покрученики — состояли на содержании хозяев «ужины» [44; 25].

Николо-Корельским монастырем вносились в общее предприятие от 1 до 2 «участков», на которые приходилась добыча рыбной продукции. Таким же постоянным, как и размер «участков», был состав промышленников, в кооперации с которыми монастырь организовывал промысел на Мурман. Источники называют имена четырех промышленников – Авраама Щербинина, Алексея Мачки, Степана Шубного и Дорофея Афанасьева. Монастырский «участок» включал денежную и натуральные части, которые шли в общий «котел» промысла [2; 3 об., 8 об.], [4; 14–14 об.], [8; 6, 19].

Особенности взаимоотношений монастыря с покручениками в этот период из материалов приходо-расходных книг Холмогорской службы пропускают довольно скрупульно. Как правило, записи источников сообщают о покупке холмогорским приказчиком у покручеников рыбы, сверх того, что монастырь получал на свой «участок».

Скупость сообщений, полагаем, раскрывает и тип социальных взаимоотношений, существовавших между монастырем и работными людьми в указанный период. По всей видимости, наймом работных людей ведал хозяин промысловой ладьи – он же и организатор промысловой экспедиции. Отношения монастыря и покручеников, таким образом, были опосредованы: монастырь выделял деньги и продовольствие на «участок», а нанять на промысел покрученика уже было делом самого хозяина морского судна.

С начала 1680-х годов система взаимоотношений монастыря и работных людей меняется. Духовный феодал нанимает команду самостоятельно, не вступая в кооперацию с другими участниками промысла на Мурмане. Одно из первых свидетельств деятельности устойчивой мурманской промысловой артели монастыря встречается в приходо-расходной книге холмогорского приказчика старца Афанасия (1683 год). Так, приказчиком были выданы кабалы на общую сумму в 2 руб. 13 ал. 2 де трем мурманским кормщикам [9; 2].

Аналогичные сведения о выдаче сумм кормщикам и покрученикам встречаются и в ряде других приходо-расходных книг службы. При этом в некоторых случаях представленные в источниках данные дублируют показания специальной документации промысла. Холмогорские приказчики, помимо дел своей территориальной службы, ведали и вопросами организации промысла на Мурмане и Новой Земле.

В этой связи нельзя не отметить, что начало упоминания в источниках самостоятельной организации промысла на Мурмане синхронно приобретению монастырем собственного становища на побережье Баренцева моря. Становища в XVI–XIX веках назывались комплексы жилых и хозяйственных строений, используемых промышленниками в сезон промысла. В начале XVII века на Мурманском берегу насчитывалось 50 становищ [42; 28–29]. В 1680 году Николо-Корельский монастырь приобрел становище на Семи островах (группа островов у побережья Мурманского берега Баренцева моря) [36; 111–112], [40; 90]. Если быть более точным, то монастырское становище на одном из Лицких островов группы Семи островов [10; 5–5 об.]. Позже, по крайней мере со второй четверти XVIII века, монастырь обосновался на становище Шубино (группа островов Шубинской губы Мурманского берега Баренцева моря) [50; 234].

Какова же была численность промышленников и как происходило формирование мурманских артелей монастырского промысла? Отметим, что в источниках артели имеют специальное наименование, которое не являлось чем-то исключительным только для Николо-Корельского монастыря, а напротив, нередко использовалось в качестве самоназвания участников промысла на Мурманском берегу. Такие артели назывались артелями «мурманщиков», а их члены – «мурманщиками». В силу специфики промысла, распадавшегося в период XVI–XIX веков на два этапа – весенний и летний, артели также в зависимости от сезона промысла именовались «вешними» и «летними».

Производственной ячейкой артели был карбас (сменившийся в XVIII веке шнекой), на котором было занято четверо работников – кормщик и трое рядовых (покручеников).

Наиболее сложной была деятельности промышленников «вешней» артели, поскольку ее участникам приходилось пешком добираться до места промысла: замерзающее на зиму Белое море не позволяло проделать этот путь по воде.

«Вешние» артели начинали формироваться в январе – феврале. Материалы «тетратей отпускных» и «книг записных» указывают на то, что договор с командой и последующая выдача средств производились либо в начале – середине января, либо во второй половине – конце февраля текущего года. К этому же времени относились и заключавшиеся между монастырем и промышленниками договоры. Но и здесь были свои исключения. «Летние» артели отправлялись на Мурман из Холмогор на монастырской ладье, что значительно снижало денежные затраты обители на содержание промышленников. Отрывочные данные источников позволяют говорить о том, что артели летнего промысла формировались в июне текущего года [5; 16 об.], [25; 6 об.].

Количественный состав мурманских артелей «вешнего» промысла достаточно хорошо реконструируется для 1690-х годов – периода не-плохо обеспеченного разнообразными видами документации мурманского промысла. Нельзя не отметить, что даже в том случае, когда источник сообщает только о кормщиках и ничего не говорит о количестве покручеников, состав промысловой артели все же может быть выявлен. Устойчивая традиция организации промысла предполагала работу на судне четырех промышленников. Поэтому свидетельство приходо-расходной книги, что суммы по кабалам выданы 3 мурманским кормщикам, безусловно, указывает на то, что в артели было 12 человек. Конечно же, далеко не всегда соответствие кормщиков покрученикам может быть выявлено по записям приходо-расходных книг. Известны упоминания только одного или двух кормщиков, на которых приходились различные выплаты, что затрудняет выявление полного состава артели.

Более определенные данные содержатся в «тетратах отпускных» и «книгах записных» промысла рассматриваемого периода. Из источников известно, что численный состав «вешних» артелей мурманских промышленников равнялся 12 [15; 15], [17; 8 об.], [21; 1–6], [32; 1–4 об.]. Исключением стал только «вешний» промысел 1697 года, на который вышло 16 промышленников [23; 1–6 об.].

В XVIII веке происходит сокращение количественного состава артелей. Теперь на «вешний» промысел, как правило, отпускалось 8 промышленников. В частности, судя по документации промысла, именно столько промышленников было «отпущено» на Мурман в 1734, 1736 и 1738 годах [28; 1, 5–5 об.].

Значительно меньше нам известно о составе «летних» артелей. В нашем распоряжении есть

всего лишь два показания источников, относящихся к 1691 и 1710 годам. В первом случае на промысел было отпущено 6 человек, а во втором – 8 [5; 16 об.], [25; 6 об.]. «Летние» артели, в отличие от «вешних», возглавлялись «лодейным кормщиком» – промышленником, правившим большое морское судно (ладью) к Мурманскому берегу и одновременно с этим принимавшим участие в добыче трески и палтуса уже как карбасный кормщик.

Источники позволяют выявить персональный состав промышленников, а также территориальное происхождение кормщиков и покручеников. Этот вопрос, как представляется, крайне важен, поскольку дает возможность получить некоторое представление об экономическом районировании Поморья (понимая под последним занятость определенных волостей в том или ином промысле), проследить наличие или отсутствие устойчивых связей отдельных промышленников с монастырским мурманским промыслом.

Руководителями промысла были кормщики (карбасники). По имеющимся источникам нам удалось выявить имена 22 промышленников, возглавлявших артельные объединения на мурманском промысле в разные годы последней четверти XVII – первой половины XVIII века. Среди них выделяется группа из 8 промышленников, участвовавших в монастырском промысле 2 и более раз. Так, в 1690–1700-е годы среди постоянных участников промысла были (в скобках приводим количество упоминаний в источниках): Василий Алексеев сын Кожин (5), Тимофей Семенов сын Языков (4), Осип Петров сын Новоселовых (4), Федор Демидов сын Романов (2), Иван Ермолин сын Ряба (2) [5; 41], [15; 15], [16; 37 об.], [17; 8 об.], [21; 2–4], [23; 1–2], [24; 9 об.], [25; 1 об., 5 об.], [32; 1 об.], [33; 1]. В период 1710–30-х годов постоянными участниками промысла на Мурмане выступали Степан Карпов сын Малгин (3), Семен Семенов сын Опацицых (2), Спиридон Иванов сын Борисов (2), Гаврило Иванов сын Орлов (2) [26; 1], [28; 1–1 об., 5–5 об.], [30; 1–1 об.], [31; 1], [34; 1]. Прочие промышленники-кормщики в источниках упоминаются единожды¹, хотя, безусловно, это не исключает того, что они участвовали в промыслах неоднократно, но это не отразили источники.

Рассмотрим основную группу промышленников – покручеников. Источники сохранили имена 56 рядовых участников промысла [5; 16 об.], [21; 2–4], [23; 3–5], [25; 2–3], [26; 2 об.–3], [28; 1–1 об., 5–5 об.], [32; 4–4 об.], [33; 1–1 об.]. Как правило, все промышленники лишь единожды упоминаются в источниках как участники промысла. Исключение составляют 5 промышленников, участвовавших в монастырском промысле 2 и более раз.

В промысле участвовали представители нескольких поколений одних и тех же крестьян-

ских фамилий, некоторые из них приходились родственниками кормщикам. Это относится к фамилиям Васильевых, Малгиных, Опацицых, Новоселовых и Трапезниковых.

Некоторые из кормщиков начинали свою карьеру в качестве покручеников на монастырских мурманских промыслах. Так, ранее упомянутый Степан Малгин в 1696 году упоминается в числе покручеников, а в 1722, 1725 годах становится известным уже в качестве кормщика [21; 4], [26; 1], [34; 1].

Промышленники – кормщики и рядовые покрученики – были выходцами из различных волостей Двинского, Кеврольского и Турчаковского уездов². Так, по имеющимся данным источников, нам известно, что кормщики были представителями волостей Нижней половины – Курейской, Княжествовской, Мудьюжской и Ухтостровской; Верхней половины – Костогорской и Чухченемской Двинского уезда, а также и Айногорской волости – Кеврольского уезда [9; 2], [17; 8 об.], [20; 2–4], [23; 1–2], [28; 1–1 об.], [32; 1–3 об.], [34; 1]. Из этих же населенных пунктов происходили и некоторые покрученики. Были среди рядовых участников промысла выходцы из волостей Нижней половины – Койдокурской и Лисестровской; Верхней половины – Матигорской и Ровдогорской Двинского уезда; а также Нюоцкой волости – Кеврольского и Пияльской (Меньшей) волости – Турчаковского уездов [21; 5 об.], [32; 4–4 об.].

Владения монастыря сформировались в XVI – начале XVII века, они зафиксированы в государственных кадастровых документах той эпохи (в «сотной» грамоте 1587–1588 годов и в писцовой книге Двинского уезда 1622–1624 годов) [35], [37]. Так, владения монастыря находились в следующих волостях: Низовской луке, Заостровской, Лисестровской, Княжествовской, Кехте, Койдокурской, Ухтостровской волостях [35; 263–275 об.], [37; 238–239]. Как можно видеть, ряд волостей монастырских владений совпадает с теми волостями, из которых происходили кормщики и покрученики, трудившиеся на мурманском промысле монастыря. Это относится ко Княжествовской, Койдокурской и Ухтостровской волостям. Но при этом источник, как правило, не конкретизирует, из каких деревень был выходцем тот или иной член артели, что затрудняет идентификацию конкретных лиц. Подобная работа, по крайней мере для конца XVII века, может быть проведена при использовании данных кадастровых источников – переписных книг Двинского уезда.

Остается признать, что доминирующим на промыслах был труд наемных крестьян, не связанных с вотчинным хозяйством Николо-Корельского монастыря.

Артель за свой труд получала как натуральную, так и денежную плату. Натуральная плата – «участок» – представляла собой долю от общего

промысла, достававшуюся кормщику и рядовым покрученикам. Денежная же часть включала несколько компонентов выплат, как безвозмездных, так и с возвратом. Рассмотрим натуральную часть оплаты труда «мурманщиков».

«Участок» распределялся неравномерно: кормщик за свой труд получал пол-участка, а рядовые покрученики – пятую долю добычи. Наглядно представить, как производился раздел

Распределение рыбной добычи между Николо-Корельским монастырем и артелью в 1733 году [27]

Сорт рыбы	Общая до-быча (пуд)	Доля монастыря (пуд)	Доля артели (пуд)	Доля кормщиков (пуд)		Доля покручеников (пуд)	
				На участок	Общая	На участок	Общая
Палтус	98	71,05	26,95	6,125	12,25	2,45	14,7
Треска	816	591,6	224,4	51	102	20,4	122,4
Итог (%) по палтусу	100 %	72,5 %	27,5 %	6,25 %	12,5 %	2,5 %	15 %
Итог (%) по треске	100 %	72,5 %	27,5 %	6,25 %	12,5 %	2,5 %	15 %

Из таблицы следует, что на долю монастыря приходилось чуть более 70 % общей добычи. Внутри артели при этом добыча распределялась неравномерно: «участок» кормщика примерно в 2,5 раза превышал долю добычи рядового покрученика.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Участие Николо-Корельского монастыря в изучаемый период в мурманском рыбном промысле прошло 2 этапа:

1. В середине XVII века монастырь являлся лишь одним из пайщиков промысловых экспедиций на Мурман, организовывавшихся богатыми промышленниками с Двины.

рыбной добычи между монастырем и артелью, позволяет «реестр» приема рыбы мурманского промысла Николо-Корельским монастырем (от 15.09.1733) [27]. Тогда на промысел вышла артель, состоявшая из 8 промышленников (2 кормщиков и 6 покручеников). В таблице представлены данные, касающиеся раздела добытой трески и палтуса между монастырем и артелью (подсчет наш).

2. С начала 1680-х годов монастырь самостоятельно организует промысел на Мурмане. В какой-то мере этому способствовало и приобретение собственного становища (в 1680 году) на побережье Баренцева моря Кольского полуострова.

Изменение роли монастыря в организации рыбного промысла определяло и тип промыслового-артельного отношений: на первом этапе основной формой организации артели была артель складников (по классификации А. Я. Ефименко), на втором – покручеников.

В систему покрута монастырем вовлекались собственно монастырские крестьяне и нанимаемые из других волостей Поморья. Наиболее стабильную часть артели составляли кормщики.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российской гуманитарного научного фонда и правительства Мурманской области (проект № 10-01-43101 а/С).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единожды в документах мурманского промысла Николо-Корельского монастыря упоминаются имена следующих кормщиков (в скобках указывается год упоминания): Ефим Тарасов (1683), Андрей Овечкин (1683), Дмитрий Зеленков (1683), Иван Иванов сын Горбатых (1691), Василий Федотов (1691), Яков Ануфриев (1694), Иван Смирных (1697), Гаврило Пахомов (1718), Фадей Самойлов сын Анисимовых (1722), Григорий Михайлов сын Казмин (1734), Яков Вешняков (1741), Стефан Лебедев (1741), Потапий Корельских (1745) [5; 14], [9; 2], [17; 8 об.], [23; 6 об.], [26; 1], [28; 1], [29; 8], [32; 3], [33; 1].

² Структуре административно-территориального деления Поморья посвящена специальная монография Д. Семушкина [52].

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 191.
2. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 378.
3. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 379.
4. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 383.
5. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 400.
6. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 412.
7. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 426.
8. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 451.
9. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 776.
10. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 781.
11. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 796.
12. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 813.

13. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 829.
14. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 844.
15. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 896.
16. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 914.
17. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 952.
18. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 977.
19. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1002.
20. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1028.
21. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1052.
22. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1055.
23. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1078.
24. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1195.
25. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1388.
26. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1604.
27. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1896.
28. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1924.
29. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2174.
30. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2304.
31. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2334.
32. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2557.
33. ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2566.
34. ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 493.
35. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Кн. 9.
36. Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. Л., 1930. № 68. 191 с.
37. Сотная 1587–1589 гг. на владения Корельского монастыря / Публ. А. И. Копанева // Северный археографический сборник. Вып. II. Северные писцовые книги, сотницы и платежники XVI в. Вологда, 1972. 215 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

38. Брызгалов В. В. Состав мурманских рыболовных артелей в конце XVII века // М. В. Ломоносов и национальное наследие России: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 285-летию со дня рождения великого российского ученого М. В. Ломоносова. Часть IV. Архангельск, 1996. С. 101–104.
39. Гемп А. Г. Хозяйство и хозяйственная деятельность Николо-Корельского монастыря в XVII веке (Очерки). Архангельск, 1967 // Архангельская областная научная библиотека им. Н. Добролюбова. Ф. 657389. 321 с.
40. Географический словарь Кольского полуострова. Т. Г. Л., 1939. 147 с.
41. Да н и л е в с к и й Н. Я. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитых морях // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. СПб., 1862. 234 с.
42. Д е р ж а в и н В. Л. Северный Мурман XVI–XVII вв. (К истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. 144 с.
43. Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. и с доп. Н. Виноградова. // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. XIX. Соловки, 1929. 182 с.
44. Ефименко А. Я. Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 7–75.
45. Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев. Архангельск, 1866. 220 с.
46. Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв. Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. 256 с.
47. Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. 608 с.
48. Краблев Н. А. Покрут на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1974. С. 119–129.
49. Краблев Н. А. Условия труда и быта покрученников на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1977. С. 149–159.
50. Никонов С. А. «Караульные росписи» монастырских промысловых становищ Мурманского берега XVIII в. как исторический источник // VII Ушаковские чтения: сб. науч. ст. Мурманск, 2011. С. 233–248.
51. Подвысоцкий А. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 199 с.
52. Семушин Д. Русский Север. Пространство и время. Архангельск, 2010. 120 с.
53. Ушаков И. Ф. Покрут на Мурманских рыбных промыслах (в свете высказываний В. И. Ленина) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Т. 426. Мурманск, 1969. С. 95–121.
54. Юрченко А. Ю. Тресковый промысел поморов на Мурмане: развитие артельных отношений // Наука и бизнес на Мурмане (Х Юбилейная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Тейлоровские чтения»). Мурманск, 2002. С. 7–13.